

Очерки горной Бухары.

(Окончаніе) ¹⁾.

Глава X.

Рѣка Канязь.—Попугай.—Русталбестъ.—Молитва.

о впаденія рѣки Канязь въ Сорбо мы ѣхали вмѣстѣ съ симпатичнымъ капитаномъ П.

Цѣлый рядъ горныхъ ручьевъ съ шумомъ несъ свои воды съ высокихъ горъ, впадая въ Сорбо, но болѣе крупными рѣками являлись впадавшія—справа Сорбухъ и слѣва Канязь.

Древесная растительность придавала живописный видъ окрестностямъ, а небольшой кишлакъ Сорбухъ-Дагана красиво вырисовывался на высотѣ.

— Неужели, тюр, хочеть дойти до того мѣста, гдѣ начинается вода Сорбухъ, падающая съ горъ? Наши люди говорятъ, что туда

¹⁾ «Военный Сборникъ», № 4.

дорога очень плохая и выше кишлака Ханако и Деги-Куна ходятъ лишь одни мергени ²⁾, да пастухи со своими стадами.

— Навѣрное Ша объ этомъ не знаетъ, а я въ нашихъ книгахъ читалъ, что и выше есть хорошая дорога и мосты.

— Видишь ли, тюра, я самъ тамъ не былъ, но лишь слышалъ, что это такъ, а если ты прикажешь, то мы поправимъ дорогу. Теперь лишь перейдемъ черезъ рѣчки къ кишлаку Деги-Куна, а тамъ уже возьмемъ человѣка, ходившаго выше по рѣкѣ.

Красивое ущелье, покрытое огромною растительностью, представляло собою картину лѣсной глуши и полного безлюдья. Мощныя деревья орѣха, развѣсистыя ивы, а выше небольшія куртины березъ разнообразили дикій видъ этой глуши, скрытой на днѣ глубокаго ущелья съ отвѣсными известковыми стѣнами. Масса воды сбѣгала по дну, и рѣка шумѣла все сильнѣе и сильнѣе къ вечеру. Густыя заросли жимолости, боярышника, клена и арчи создавали трудно проходимую чащу.

Перейдя черезъ рѣчки Куна-Дарья и Тыръ-Соръ, тропа перебрасывалась чрезъ зыбкій мостъ на правый берегъ Сорбо, проходя мимо узкаго мрачнаго ущелья.

— Пожалуй, намъ пора останавливаться на ночлегъ—и это закрытое со всѣхъ сторонъ мѣсто будетъ какъ разъ для того подходящимъ, обратилъ капитанъ мое вниманіе на ущелье, чернѣвшее съ правой стороны, втянувшись въ которое и выбравъ себѣ ровную площадку, мы остановились, начавъ устраивать свой бивакъ.

Ровная площадка у подножія отвѣсной скалы, окруженная большими камнями, защищавшими отъ вѣтра, давала возможность очень сносно устроиться на ночь, разведя костеръ.

Мрачное ущелье темнѣло за нами и ночныя тѣни, закрывая его, не давали возможности сдѣлать осмотръ. Ночь наступила быстро. Звѣзды загорѣлись въ вышинѣ. Огонь костра, падая на стѣны ущелья, придавалъ особенно красивый видъ, освѣщая ближайшія скалы въ то время, какъ даль вся тонула въ густомъ мракѣ.

Двѣ лисицы, привлеченныя запахомъ мяса, появились около ближайшихъ камней и, красиво вытянувъ пушистые хвосты и настороживъ уши, на минуту дали намъ возможность полюбоваться на этихъ красивыхъ звѣрковъ, моментально затѣмъ скрывшихся въ темнотѣ, откуда будто огоньки заблестѣли фосфоресцирующимъ голубымъ свѣтомъ ихъ глаза.

²⁾ Мергенъ—охотникъ.

Тяжелые кеклики взлетали съ камней и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, я уже былъ весь нагруженъ этою тяжелою добычею.

— Хорошее ружье, тюра, одобрилъ мергень. — А мы больше ловимъ этихъ птицъ силками. Потомъ выбираемъ самыхъ сильныхъ и бои устраиваемъ. Чьи кеклики сильнѣе — тотъ и выигрываетъ. А всѣ люди собираются. У кого хорошій боець — много можетъ пользы своему хозяину принести, и тогда такая птица дорого стоитъ. У меня одинъ разъ былъ хорошій кекликъ, я его на барана промѣнялъ. Бай изъ Дюшамбе его взялъ и очень доволенъ остался.

Тяжело, съ громкимъ крикомъ, порою поднимались стада куропатокъ и съ рѣзкимъ шумомъ крыльевъ перелетали на другое мѣсто выше по склону горъ.

Лисицы поражали своей смѣлостью, подпуская совсѣмъ близко, но при первомъ же движеніи исчезали за камнями.

Широкая и глубокая рѣка Ташъ-куватъ явилась при ея быстромъ теченіи значительной преградой, которую вбродъ перейти было невозможно и поэтому, надувъ гупсары, мы переправились черезъ нее и, держась берега Сорбо, поднимались все выше и выше, перейдя ручей Юганъ-дора; страшно уставшіе отъ ходьбы, наконецъ, добрались мы до мѣста слиянія рѣкъ Суббаша и Чапъ-дора, которыя образуютъ рѣку Сорбо.

— Выше, тюра, ходить трудно. Лучше назадъ вернуться. Кому очень надо, такъ можно лѣтомъ пройти по рѣкѣ Суббашъ до перевала Суббаша, а потомъ черезъ перевалъ Борзенги спуститься на русскую сторону въ Ягнобъ. Зимой же дороги не бываетъ, да и теперь вездѣ уже снѣгу очень много выпало и въ ущельяхъ и на перевалахъ. Если тюра разрѣшить — здѣсь мы совершимъ намазъ и возвратимся обратно къ нашимъ лошадямъ.

Получивъ мое согласіе, старикъ снялъ съ себя халатъ и разостлалъ его на землѣ. Затѣмъ подошелъ къ рѣкѣ и долго плескался чистою ледяною водою, омывая всѣ части своего тѣла; окончивъ же омовеніе, поставилъ свои сапоги около воды, сталъ на разостланный халатъ, поднялъ обѣ руки кверху, приложилъ большіе пальцы къ отверстиямъ ушей и громко, нараспѣвъ, сталъ читать слова молитвы:

«Аллахъ-Акбаръ-Такбири-Тохрима—Великъ Аллахъ. Самигъ-Алла-лимянь-хамидъ—Аллахъ слышитъ того, кто его славить», слышался красивый вдохновенный голосъ старика.

Эта торжественная молитва Творцу среди пустынныхъ горъ,

подъ рокоть падающей воды, производила трогательное впечатлѣніе. Одинъ за другимъ стали и остальные мусульмане на молитву, а мы невольно замолкли и мысленно вспомнили Того, Кто создалъ весь этотъ дивный міръ и Кого славятъ всѣ люди, каждый по своему обычаю.

Вершины горъ были покрыты снѣгомъ, и снѣжинки спускались въ ущелья, а ниже снѣговъ виднѣлась изумрудно-зеленая травяная растительность, создававшая красивый контрастъ своею яркою окраскою съ сѣрыми гранитными горами и бѣлою пеленою снѣговъ.

Проведя нѣсколько дней, охотясь на горныхъ козловъ и постепенно спускаясь обратно внизъ по теченію Сорбо, но на этотъ разъ по горнымъ хребтамъ, я имѣлъ возможность съ высотъ видѣть рѣчные долины, любясь огромными снѣжными вершинами Гиссарскаго хребта, виднѣвшимися на горизонтѣ.

Каждый часъ измѣненія въ освѣщеніи горъ солнцемъ придавали имъ новыя красоты, и среди этой горной страны какъ-то неинтересны казались равнины, разстлавшіяся къ западу, а горцы, рѣдко встрѣчавшіеся съ русскими, вначалѣ замкнутые, суровые и неразговорчивые, послѣ нѣсколькихъ дней знакомства превращались въ простодушныхъ большихъ дѣтей, задававшихъ пытливые вопросы и интересовавшихся каждою мелочью въ жизни жителей русскихъ городовъ.

Сколько радости доставляла подаренная полуфунтовая жестянка отъ чая, перочинный ножикъ или зажигательное стекло! И какъ жаль, что этотъ трудолюбивый, честный, неиспорченный народъ не поставленъ въ лучшія условія существованія.

О великой Россіи, Ташкентѣ, даже объ эмирѣ бухарскомъ большинство никогда не слыхало и лишь богатые люди, побывавшіе въ Каферниганѣ, имѣютъ о первой смутное понятіе, какъ о какой-то далекой грозной силѣ, которой подчиняются даже урусы, тѣ самыя урусы, которыхъ такъ боится самъ каферниганскій всесильный амлякдаръ; имя же эмира не производило особаго впечатлѣнія, и надо думать, что большинство считало гиссарскаго бека сильнѣе, выше и могущественнѣе его.

Добравшись снова до кишлака, я долго отдыхалъ, собираясь проѣхать дальше вверхъ по теченію рѣки Сорда-и-міона, впадающей въ Раумить-Дарью съ сѣвера.

Звуки туземныхъ инструментовъ, исполнявшихъ какую-то мелодію, доставили большое удовольствіе подъ вечеръ, который весь прошелъ въ разспросахъ о жизни и обычаяхъ горцевъ.

Заря уже догорала, а вмѣстѣ съ окончаніемъ дня замирала жизнь въ кишлакѣ, который погружался въ безмолвіе, и эта тишина среди горъ вызывала особенное настроеніе.

Но усталость брала свое и, налюбовавшись на окрестности, залитыя луннымъ свѣтомъ, приходилось слѣдовать общему примѣру и устраиваться на отдыхъ.

Д. Логофетъ.

